

«Я подвергаюсь непрерывной и систематической травле...»

*Бывший генерал М.Д. Бонч-Бруевич в борьбе за квадратные сажени**

Представители старой военной элиты после революции оказались в новой обстановке. Они утратили былые привилегии, столкнулись с пренебрежительным к себе отношением, порой оказывались перед необходимостью бороться за элементарные бытовые условия¹. Казалось бы, бывшим офицерам можно только посочувствовать. Если бы не одно но. Некоторые из них выступали активными участниками становления большевистского режима со всеми вытекающими последствиями. А, кроме того, порой делали это не по убеждениям, а из карьерных соображений. В этом свете коммунальные проблемы отдельных представителей старой военной элиты приобретают трагикомический оттенок.

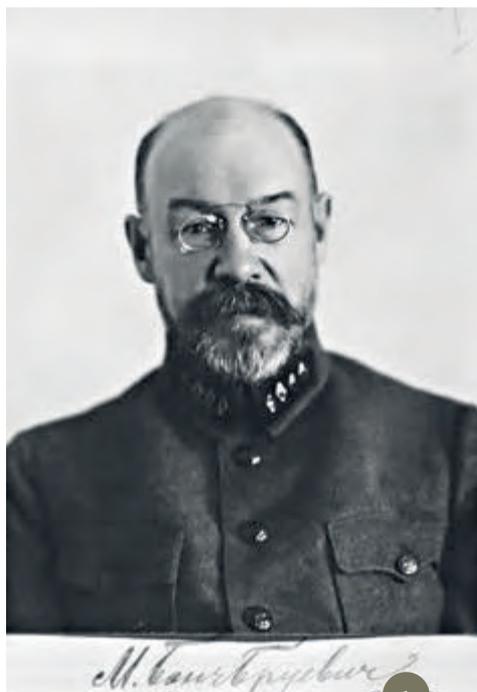
Такой случай произошел с одним из создателей Красной армии бывшим генералом Михаилом Дмитриевичем Бонч-Бруевичем. Документы об этой почти булгаковской истории позволили реконструировать столкновение старого генерала с новой реальностью, за которую он совсем недавно боролся.

Уйдя с руководящих постов в армии, с 9 августа 1919 г. Бонч-Бруевич с супругой Еленой Петровной поселился в квартире № 2 дома № 7 на Знаменке (до революции в этом доме жил знаменитый физиолог И.М. Сеченов). Жилье бывший генерал получил от Полевого штаба Реввоенсовета Республики. Квартира представляла собой две комнаты, одна из которых имела площадь в 6,45 квадратной сажени (квадратная сажень — 4,55 квадратных метра. — Прим.ред.) и была жилой, а вторая, площадью 2,88 квадратной сажени, являлась кабинетом бывшего генерала, где он работал по вечерам над научными и литературными трудами. Платить за жилье приходилось по норме 1 руб. 20 коп. и 2 руб. 40 коп. за площадь сверх нормы по расчету за кв. сажень.

Швондеры в наступлении

Все было хорошо до 1923 г., когда председатель жилтоварищества гражданин Гурович задумал вы-

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914-1922 гг.)».

1

° 1

М.Д. Бонч-Бруевич. 1920-е гг. ОР РГБ. Публикуется впервые.

° 2

Дом, где находилась квартира Бонч-Бруевича. Улица Знаменка, д.7.

° 3

Удостоверение СНК РСФСР, закрепляющее за Бонч-Бруевичем дополнительную рабочую комнату. 1925 г. ОР РГБ. Публикуется впервые.

селить Бонч-Бруевичей из дома и возбудил против бывшего генерала несколько фиктивных дел. Постановлением Московского губернского суда от 1 апреля 1924 г. дела были прекращены, но история только начиналась.

В начале 1924 г. в ту же квартиру Гурович вселил своего знакомого — начальника 8-го отделения милиции И.И. Пудякова, быстро ставшего председателем жилищного товарищества. Не прошло и месяца, как Пудяков стал требовать от бывшего генерала допустить его в кабинет Бонч-Бруевича... для приготовления пищи. Как выяснилось, еще в 1920 г. бывший генерал за свой счет устроил там для отопления и приготовления пищи небольшой очаг, приспособил освещение, провел телефон, жильцы же имели кухню общего пользования в подвальном этаже дома, хотя и не пользовались ею, поскольку устроили себе собственные очаги в комнатах. Полную возможность поступить так же имел и гражданин Пудяков — в его комнате было два дымохода и временная печь. Всего в доме имелось пять кухонь (в двух жил дворник, еще две сдавались, одной пользовалась семья Гурович²).

Однако Пудякову почему-то хотелось занять под кухню именно кабинет Бонч-Бруевича, где был паркетный пол, хорошие обои, телефон, два окна на лестницу, но не было ни вытяжки, ни раковины. Подоплека раскрылась позднее. Как оказалось, правление жилтоварищества сдало по соседству большую комнату в 11 квадратных сажений гражданину Д.М. Назарову, взяв с того значительную сумму и обещав устроить кухню из комнаты Бонч-Бруевича³.

В заявлении, направленном в московскую комиссию по улучшению быта ученых 21 февраля 1924 г., Бонч-Бруевич жаловался: «С санитарной точки зрения мне не будет житья... если семья Пудякова будет готовить себе пищу в моей комнате, т.к. некуда будет укрыться от смрада и от посторонних людей... Прошу защитить меня от этого и предоставить мне возможность спокойно жить и работать на жилой площади, которая была мне отведена еще в 1919 году и которую я оплачиваю по тарифу»⁴.

ФОТО АНДРЕЯ ГАНИНА

2

Генеральская оборона дает трещину

Как знаток аппаратной борьбы и интриги Бонч-Бруевич активно защищался. Против инициативы Пудякова он собрал подписи 13 жильцов (Бонч-Бруевичи, Калугины, Карповы, Медели, Пуговкины, Чижовы), не исключая даже неграмотную Е. Чижову, за которую расписался родственник и приложил их коллективную резолюцию от 3 февраля к заявлению⁵.

Постепенно дело стало принимать невыгодный для Бонч-Бруевича оборот. Бонч-Бруевича исключили из жилтоварищества. Соседи (Пудяков, Гурович и В. Карпов, причем последний ранее подписал резолюцию от 3 февраля) сговорились между собой и выдвинули против Бонч-Бруевича сразу три иска⁶. Аппетиты росли. Теперь у бывшего генерала пытались отнять не только комнату, закрепленную за ним Центральной комиссией по улучшению быта ученых, но и перевести в общее пользование ванную, которую сам Бонч-Бруевич отремонтировал и купил к ней колонку. Бонч-Бруевич отмечал, что «ванна необходима мне для моей жены, которая третий год больна воспалением почек, а я не имею средств отправить ее на курорт. Если же в эту ванну будут ходить мыться другие жильцы, то в моей квартире жить будет невозможно от жары, пара и смрада»⁷. Может сложиться впечатление, что Бонч-Бруевич жил слишком вольготно по сравнению с требовавшими справедливости соседями. Однако это не так. Как оказалось, Пудяков и Карпов уже имели большую ванну в коридоре общего пользования, соединенную с их квартирами внутренним ходом.

Вообще состав жильцов дома, по мнению Бонч-Бруевича, был неблагоприятным: «Бывшие владельцы дома и их родственники, очень мало советских служащих, преступные элементы (злостные спекулянты и проч.), мелкие подрядчики строительных работ, торговцы с Арбатского рынка; я и двое рабочих (Чижовы)»⁸.

С целью усугубить положение Бонч-Бруевича и выселить его, жилтоварищество перестало принимать у него квартплату. Тогда бывший генерал стал вносить ее на депозит губернского суда. Тем не менее Пудяков, очевидно, воспользовался служебным положением председателя жилтоварищества, от правления которого был выдвинут судебный иск о невнесении Бонч-Бруевичем квартирной платы и о выселении. Вопрос разбирали летом 1924 г. в народном суде Хамовнического района⁹. С Бонч-Бруевича требовали платы и за еще одну комнату площадью 15,36 квадратной сажени в том же доме, где в 1923 г. он хранил дорогостоящие геодезические инструменты высокой точности, полученные из-за рубежа для возглавляемого им Высшего геодезического управления ВСНХ¹⁰. Однако эта комната относилась не к семье Бонч-Бруевича, а к геодезическому управлению.

Товарищеская просьба возымела действие

25 июля 1924 г. бывшего генерала приговорили к выселению, а освободившуюся площадь суд передавал правлению жилтоварищества, которое

3

II. Пудяков служил начальником 8-го отделения Московской городской милиции; за преступные дела удален из компартии и со службы. Состоя начальником милиции, и после того, всякими способами помогал Гуровичу в его преступных делах. Пудяков безработный; живет на какие-то сомнительные средства. Для прикрытия источника своих доходов при помощи Клопова в настоящее время устраивает себе должность управляющего домом № 7 по ул. Знаменке. Клопов, после ареста Гуровича, сделался председателем правления жилищного товарищества.

III. Карпов — недавно возвратился из-под ареста и тотчас же начал действовать совместно с Клоповым и Пудяковым»¹³.

Оппоненты Бонч-Бруевича изменили иск, но пошли тем же путем. Они перестали требовать выселения, но потребовали изъятия лишней площади (кабинета и ванной), отказа в восстановлении в жилтовариществе, а также взыскания платы за комнату, занимавшуюся под геодезические инструменты. На суде Клопов заявил, что Бонч-Бруевич создает в доме невозможную обстановку¹⁴, кроме того, он выступил с митинговой речью, в которой назвал ответчика генералом царской ставки (хотя он при царе там не служил), заявил, что Бонч-Бруевич был исключен из профсоюза горнорабочих (что произошло не за проступки, а по должностному статусу Бонч-Бруевича), рассказал о ревизии геодезического управления, которым руководил Бонч-Бруевич и назвал его «антисоветским элементом»¹⁵. Это подействовало, и судья иск удовлетворил, потребовав изъятия у бывшего генерала лишней площади, взыскания задолженностей и судебных издержек¹⁶.

Бонч-Бруевич вновь подал кассационную жалобу, в которой 31 августа 1925 г. отмечал, что судебным решением от 18—20 августа 1925 г. «кроме нарушения законов, декретов, постановлений и циркуляров совершенно нарушены директивы XIV партконференции об урегулировании труда и положения технического персонала и постановление ЦК РКП(б) «О специалистах», объявленное в № 191 (2523) газеты «Известия Центрального исполн[ительного] ком[итета] Союза ССР и ВЦИК Советов». Это последнее постановление предусматривает выработку ряда мероприятий по «улучшению жилищных условий специалистов».

Будучи инженером-геодезистом, я засвидетельствовал себя опытным практическим работником при организации Высшего геодезического управления и техническом руководстве его работами в государственном масштабе в течение более пяти лет, а также при создании Государственного технического бюро «Аэросъемка», поэтому я имею право пользоваться защитой вышеуказанных постановлений... Кроме того, я являюсь специалистом военного дела, что также доказал на практике.

Между тем нарсуд Хамовнического района не только не защитил меня как специалиста-инженера, но даже отнял у меня то, что полагается мне по закону, т.е. поступил наоборот тому, что указано в этих двух актах Советской власти»¹⁷.

5

6

° 5

Заместитель председателя РВС СССР И.С. Уншлихт, к которому М.Д. Бонч-Бруевич обратился за помощью.

° 6

Только покровительство младшего брата Владимира Дмитриевича, соратника самого вождя революции В.И. Ленина, помогло Михаилу Дмитриевичу Бонч-Бруевичу победить в коммунальной битве.

Квадратные сажени будут за нами!

Чаша терпения создателя Красной армии переполнилась. Но Бонч-Бруевичу, как и герою Ильфа и Петрова летчику Севрюгову, в защите жилплощади помогла известность. Поняв, что склочники обычными методами не одолеть, 3 октября 1925 г. Бонч-Бруевич как состоящий в распоряжении РВС СССР подал рапорт заместителю председателя РВС СССР И.С. Уншлихту, в котором не стал себя сдерживать: «С 1923 года и по настоящее время я подвергаюсь непрерывной и систематической травле со стороны некоторых лиц, которые ради достижения каких-то своих целей возбуждают против меня в суде гражданские и уголовные дела, совершенно фиктивные, заканчивающиеся обыкновенно постановлениями и решениями Губсуда в мою пользу. Однако эти судебные процессы, продолжающиеся уже три года, причиняют мне большое беспокойство, стоят дорого моему здоровью, требуют значительного расхода денежных средств и лишают

меня возможности спокойно и планомерно исполнять возложенные на меня обязанности по службе и другие работы.

В течение трех лет я принимаю всякого рода зависящие от меня меры к прекращению этой травли, но все-таки не достиг желаемого результата.

Исчерпав все доступные для меня средства, прошу Вашей защиты и распоряжений о прекращении травли»¹⁸. Далее подробно излагались обстоятельства тяжб, причем Бонч-Бруевич жаловался, что за три года «вызывался в суд по искам на меня около 30 раз; вызывался неоднократно к следователям и к прокурору по фиктивным делам, возбужденным против меня; если принять во внимание,

что к каждому заседанию и вызову я должен был подбирать документы, свидетелей, писать доклады, жалобы и возражения и всюду обеспечивать свое дело от неправильных посягательств противной стороны, то станет ясно, что я затратил слишком много здоровья, сил, времени и денежных средств, отбиваясь от травли, направленной против меня.

Самые жестокие атаки, сопровождавшиеся публичными оскорблениями меня в суде как гражданина и красноармейца, всегда работавшего в интересах нашего Союза и Красной армии, вел и ведет на меня Клопов»¹⁹. Особенно страдал Бонч-Бруевич от того, что основной период разбирательств приходился на лето, из-за чего нельзя было отдохнуть. Бонч-Бруевич подключил к делу и своего брата Владимира — старого большевика и соратника уже умершего к тому времени В.И. Ленина²⁰.

7

Наконец, 19 октября 1925 г. народный суд За-москворецкого района поддержал Бонч-Бруевича, причем в решении отмечалось, что «нарсуд считает домогательства жилтоварищества, основанными на сознании недопустимости со стороны Бонч-Бруевича пользования таким удобным помещением, каким фактически он пользуется, что должно быть признано как пристрастное к нему отношение, основанное на неверном понимании современных условий существования. Нарсуд находит пользование этим помещением Бонч-Бруевичем вполне естественным, создающим удобство существования... Домогательство же т-ва суд считает разрежением этого существования и основанным²¹ на склочности... Бонч-Бруевич, хотя и бывший генерал, но никогда Советской властью не лишался прав, работает с ней на протяжении всего существования и, безусловно, как принимавший участие в Гражданской войне и в строительстве хозяйства, член профсоюза, должен считаться трудящимся... Отмечая склочность настоящего дела, безусловно вредную по своим последствиям, как вносящую разложение в среде общежитий вообще, создающих сутяжничество, нарсуд считает необходимым обратить на это внимание Московского Совета и Районного на предмет производства тщательных обследований домоуправлений и, главным образом, обращения внимания на внутреннюю жизнь домоуправлений, считая, что культурная работа в домашней об-

° 7

Одно из заседаний народного суда того времени.

° 8

Обложка следственного дела Бонч-Бруевича по процессу «Весна». Ведомственный архив Службы безопасности Украины. Публикуется впервые.

8

становке, при надлежащем руководстве, устранит всякие вредные явления и принесет только пользу. Судебн[ые] по делу издержки возложить на жил[ищное] тов[арищество]»²².

Соседи вроде бы оставили бывшего генерала в покое, но убежать от системы было невозможно. Через несколько лет его ждал арест по делу «Весна». И хотя Бонч-Бруевич довольно быстро вышел на свободу, жить приходилось с опаской. Десятки знакомых, таких же, как и он сам, бывших офицеров были расстреляны. И, думается, не единожды старый генерал задумывался о том, правильно ли он поступил осенью 1917-го, сделав ставку на большевиков...

Впрочем, ему в дальнейшем удалось пережить все невзгоды и почить в возрасте 86 лет в 1956 году.

¹ Ганин А.В. Генштабисты в коммунальках. Советская повседневность старой военной элиты // Родина. 2013. № 8. С. 152–155.

² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), Ф. 369. Картон 423. Д. 15. Л. 25 об.

³ Там же. Л. 21 об.

⁴ Там же. Л. 1 об.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ Там же. Л. 7.

⁸ Там же. Л. 27 об.

⁹ Там же. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 13.

¹¹ Там же. Л. 8.

¹² Там же. Л. 7–7об.

¹³ Там же. Л. 5 об.–6.

¹⁴ Там же. Л. 26.

¹⁵ Там же. Л. 15.

¹⁶ Там же. Л. 18 об.

¹⁷ Там же. Л. 24.

¹⁸ Там же. Л. 27.

¹⁹ Там же. Л. 29–29 об.

²⁰ Там же. Л. 33.

²¹ В документе – основанного.

²² ОР РГБ. Ф. 369. Картон 423. Д. 15. Л. 39–39 об.